

Д. В. Диденко
**ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В УСЛОВИЯХ ФРОНТИРНЫХ МОДЕРНИЗАЦИЙ
В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-99-107

УДК 94(47) ББК 63.3(2)53

В статье проводится сравнение институциональной структуры финансирования образования и здравоохранения в трех макрорегионах поздней Российской империи с общестрановыми показателями. Основу источниковой базы исследования составили губернаторские годовые отчеты, в которых приводятся соответствующие количественные свидетельства. В теоретических аспектах исследование сочетает модернизационную парадигму (прежде всего концепции «современного» экономического роста С. Кузнеця и А. Гершенкрона об особенностях модернизаций в «отставших» странах) с институциональным подходом к экономической истории Д. Норта и использует концепт фронта Ф. Дж. Тёрнера. Документированные различия в институциональной структуре финансирования обеих отраслей характеризуют специфику макрорегионов. В наибольшей степени различия проявляются между Европейской Россией и Дальним Востоком, в то время как Сибирь характеризуется промежуточным положением. Ключевыми движущими факторами выступали активность центрального правительства и разных уровней местного самоуправления. На Дальнем Востоке, где фронтальный характер модернизационных процессов был наиболее выражен, формирование человеческого капитала характеризовалось более высокой нормой накопления, наблюдалось повышенное участие центрального правительства. Оно осуществлялось параллельно с решением других важных задач колонизации: обеспечения военной безопасности, создания транспортной инфраструктуры, промышленной разработки полезных ископаемых. Это проливает свет на специфику российской модернизации с повышенной ролью государства. Таким образом, в условиях фронтальной модернизации в сфере формирования человеческого капитала действенными оказались не столько инновационные, сколько традиционные институты.

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, институты, губернаторские годовые отчеты, образование, здравоохранение, пространственное неравенство*

В наших предшествующих работах¹ концептуальный аппарат модернизационной парадигмы применялся для анализа процессов накопления человеческого капитала² при пе-

реходе России к индустриальному развитию в режиме «современного экономического роста».³ В данной статье эти процессы остаются объектом исследования, в рамках которого мы фокусируемся на предмете — отличиях институциональной структуры инвестиций в человеческий капитал в трех крупнейших макрорегионах России: «ядре» (Европейская Россия)⁴ и двух вариантах фронта, один из которых (Сибирь) отличался более продвинутой стадией освоения, другой (Дальний Восток) — сравнительно ранней. При этом мы сравниваем их структуру с общестрановой.

¹ См.: Диденко Д. В. Интеллектуальная экономика: человеческий капитал в российском и мировом социально-экономическом развитии. СПб., 2015; Он же. Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX в. — начало XX в.) // Экономическая история: ежегодник. 2020. М., 2021. С. 107–149.

² Под человеческим капиталом понимается специфический ресурс долговременного использования в виде запаса воплощенных в людях знаний, навыков, мотиваций, их физических и умственных способностей к созданию новой стоимости (Диденко Д. В. Интеллектуальная экономика... С. 35–38). В данном теоретическом контексте расходы на образование и здравоохранение выступают производственными инвестициями в накопление человеческого капитала.

³ В понимании С. Кузнеця он происходит, когда основным фактором экономической динамики становится повышение производительности на основе применения в материальном и нематериальном производстве новых знаний в результате развития науки и образования (Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven: London, 1966. P. 81, 82, 190, 286–293).

⁴ К которой в рассматриваемый период относились основные регионы Урала.

Историография, методология, гипотезы

В отношении специфики модернизации в России существует достаточно обширная литература, приводившая свидетельства в пользу концепции А. Гершенкрона⁵ в части повышенной роли государства в промышленной и финансовой сферах в целях реализации преимуществ «отсталости» для догоняющего индустриального развития.

Перенос фокус рассмотрения связанных процессов формирования человеческого капитала к колонизируемым окраинам, мы считаем методологически важным обращение к концепту фронта Ф. Дж. Тёрнера, в котором траектория развития колонизируемых территорий противопоставлялась траектории развития «ядра». ⁶ В историографии последних 30–40 лет фронтальная траектория связывается с пространственной мобильностью и постоянно возобновляемым социальным экспериментом, что открывает широкий набор возможностей для самореализации человека в различных социальных и экономических измерениях. ⁷ При этом понятие «фронт» остается слабо концептуализированным. В то же время фронтальный подход представляется полезным инструментом при исследовании различных аспектов социально-экономического формирования периферии государства с расширяющейся территорией. ⁸

Концепт фронта вносит вклад в инструментарий исследования особенностей социально-экономического развития азиатских окраин России относительно ее европейского «ядра». В данной перспективе важно обратить внимание на наложение процессов перехода от аграрного к индустриальному обществу на процессы колонизации Сибири и Дальнего Востока в условиях низкой плотности коренного населения и незавершенности освоения их территорий. Колонизация в этом направлении, в отличие от колонизации европейских окраин, создавала широкие возможности для трансплантации инновационных институтов. ⁹

Такие институты, актуальные для данного исторического времени, могли оказываться более действенными, чем в традиционных регионах «ядра» страны. Кроме того, в условиях модернизационного трансфера технологий и институтов фронтальность создавала предпосылки для еще более неравномерного протекания процессов модернизации, чем в центральных регионах страны. ¹⁰

Важным аспектом фронтальной модернизации на Дальнем Востоке являлось межгосударственное соперничество с соседними империями (Китай, Япония), как и с Великобританией и Францией. Связанная с таким соперничеством повышенная милитаризация дальневосточных регионов стимулировала накопление соответствующего человеческого капитала (в том числе воплощенного в специалистах со знанием восточных языков).

Накопление человеческого капитала в условиях расширения границ колонизируемых территорий и его влияние на дальнейшую институциональную траекторию их развития становились предметом историко-экономического анализа в работе Д. Аджемоглу и соавторов. ¹¹ В ней исследовалось, как смертность среди первых поколений европейских поселенцев повлияла на институциональную траекторию колонизируемых обществ. Если низкая смертность стимулировала трансплантацию инклюзивных институтов (защищающих права частной собственности и способствующих экономическому росту), то высокая смертность способствовала установлению экстрактивных институтов (ориентированных на извлечение ренты посредством принудительного труда и избыточной налоговой нагрузки). Однако Д. Аджемоглу и соавторы не использовали данные по Сибири и Дальнему Востоку.

В то же время количественные данные о накоплении физического капитала не приводятся, а проблематика развития человеческого капитала Сибири не получила какого-либо освещения в этапном историческом исследовании траектории развития региона (в котором

⁵ См.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.

⁶ См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.

⁷ См.: Зубков К. И. Фронт как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 64, 66.

⁸ См.: Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1. С. 109.

⁹ Институты в данном случае понимаются в широком смысле как формальные (правовые) и неформальные правила взаимодействия между экономическими субъектами в процессе

производства и обмена благами и ресурсами (Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17, 18; Он же. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010. С. 81–83).

¹⁰ См.: Побережников В. И. Фронтальная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 74.

¹¹ См.: Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // The American Economic Review. 2001. Vol. 91, № 5. P. 1369–1401.

были новаторски рассмотрены вопросы экономического развития, в том числе с позиций фронтальной модернизации).¹²

Источниковая база

В качестве основного источника нашего исследования привлекаются годовые губернаторские отчеты. В наших предшествующих работах был сделан вывод о приемлемой достоверности информации данного источника для изучения истории российского образования и здравоохранения с 1870 по 1914 гг.¹³ Кроме того, на высокий информационный потенциал губернаторских отчетов для изучения истории образования и здравоохранения указывалось на материале Восточной Сибири.¹⁴

В свою очередь, мы делаем вывод о более высоком качестве информации губернаторских отчетов в регионах Европейской России по сравнению с Сибирью и Дальним Востоком. Этот недостаток восполняют используемые нами данные из дополнительных источников. Среди них выделяется опубликованная за отдельные годы ведомственная статистика об объемах финансирования со стороны государства,¹⁵ органов местного самоуправления губернского и уездного,¹⁶ городского,¹⁷ волостного и мирского¹⁸ уровней (на основе отчетности местных органов). Также привлекались оценки из научной литературы.¹⁹

Европейская Россия

В Европейской России проанализированная выборка состояла из 8 земских губерний в сфере образования и 7 земских губерний в сфере здравоохранения. Это губернии с разны-

ми географическим положением и структурой экономики, но тесно интегрированные в политическую и экономическую структуру страны. Данные по этим губерниям оцениваются нами как обладающие достаточной степенью полноты и достоверности.

Сводная институциональная структура источников финансирования образования в этих губерниях представлена на рис. 1, А. Неудивительно, что доля земств в расходах на образование преобладала. Она оставалась значительно выше, чем в целом по стране, даже после существенного повышения доли центрального правительства к 1913 г. (табл. 1). К этому времени образование стало важнейшим направлением использования земских финансов. В данную региональную выборку не вошли столицы (Москва и Санкт-Петербург), где концентрировались высшие и другие элитные учебные заведения, финансировавшиеся центральным правительством. С этим во многом связана его более низкая по сравнению со средней по стране доля. Недостаточное отражение благотворительных расходов предприятий на образовательные учреждения и домохозяйств на оплату обучения в губернаторских отчетах привело к сильному расхождению общестрановых и региональных данных по этим источникам.

Сводная институциональная структура источников финансирования здравоохранения в земских губерниях представлена на рис. 1, Б. Преобладание земств в расходах на здравоохранение оказалось еще более выраженным, чем в расходах на образование. Кроме того, их доля несколько расширилась к 1913 г. Двукратное отклонение доли расходов центрального правительства и еще более сильное — доли частных средств (табл. 2) — вызвано систематическим занижением их объемов в губернаторских отчетах.

Таким образом, в регионах Европейской России, в которых на протяжении полувека действовало земское самоуправление, именно ему принадлежало первое относительное место по доле финансирования обеих отраслей формирования человеческого капитала. В финансировании образования центральное правительство частично заместило земства в начале XX в., но в финансировании здравоохранения оно проявляло значительно меньшую активность.²⁰

¹² См.: Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

¹³ См.: Диденко Д. В. Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России... С. 117–120.

¹⁴ См.: Кискидосова Т. А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 52.

¹⁵ См.: Яснопольский Н. П. Приложения к исследованию о географическом распределении государственных расходов в России: статистические таблицы, картограммы и диаграммы. Киев, 1897. Ч. 2.

¹⁶ См.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1886. Сер. 3, вып. 16. С. 56, 57; Статистический ежегодник на 1914 г. СПб., 1914. С. 398–411, 432, 433, 458, 459.

¹⁷ См.: Бычков Н. М. Финансы крупнейших русских городов. М., 1894.

¹⁸ См.: Мирские доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1909; Мирские доходы и расходы за 1894 год в 50 губерниях Европейской России. СПб., 1898.

¹⁹ См.: Кесслер Х., Маркевич А. Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. // РИСТАТ. Версия I (2020). URL: <https://ristat.org/> (дата обращения: 12.05.2021).

²⁰ Подробнее см.: Диденко Д. В. Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России... С. 137–145.

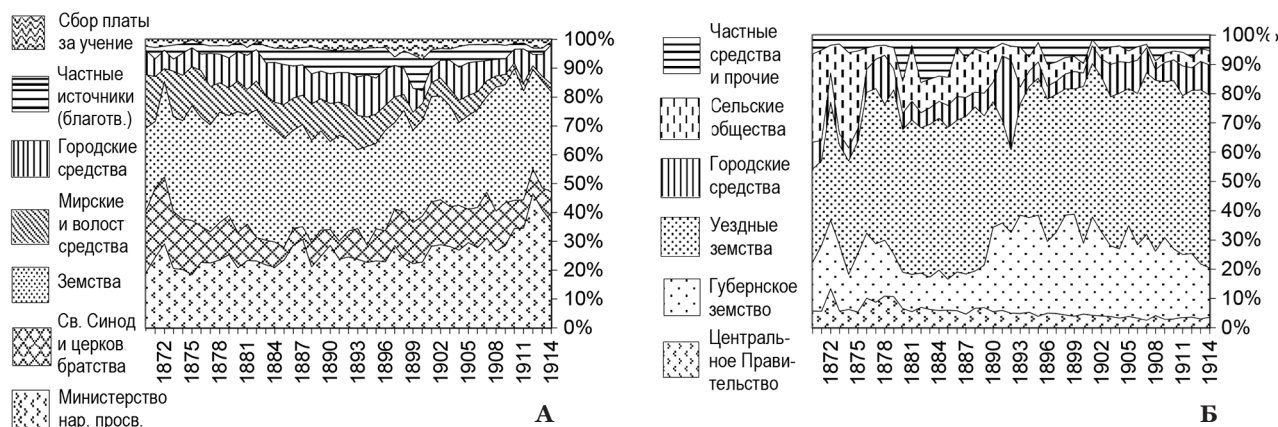

Рис. 1. Сводная структура институциональных источников финансирования образования (А) и здравоохранения (Б) по выборке земских губерний Европейской России (в % от объема расходов на отрасль за год)

Рассчитано по: губернаторские годовые отчеты по Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Калужской, Курской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Саратовской губерниям; Яснопольский Н. П. Указ. соч.; Кесслер Х., Маркевич А. Указ. соч.

Таблица 1

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ С ОБЩЕСТРАНОВОЙ

	Российская империя (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Выборка земских губерний Европейской России (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, процентные пункты (далее – п. п.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, %
Центральное правительство (включая Св. Синод)	54,1	48,5	-5,5	-10,3
Земства	24,0	37,0	22,3	92,6
Другие органы местного самоуправления (городские, волостные, мирские)				
Предприятия и некоммерческие организации	8,8	2,1	-6,7	-76,4
Домохозяйства	13,1	3,1	-10,0	-76,5

Рассчитано по: Johnson W. H. E. Russia's educational heritage. Pittsburg (Pennsylvania), 1950. P. 291–293; Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 248; губернаторские годовые отчеты за 1913 г. по Вологодской, Воронежской, Вятской, Калужской, Курской, Пермской, Рязанской, Саратовской губерниям.

Таблица 2

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ С ОБЩЕСТРАНОВОЙ

	Российская империя (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Выборка земских губерний Европейской России (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, п. п.	Отклонение региональных показателей от общестрановых, %
Центральное правительство	6,2	3,0	-3,2	-51,2
Земства	53,3	78,3	39,0	73,2
Другие органы местного самоуправления (городские, волостные, мирские)				
Предприятия и некоммерческие организации	—	4,6	-35,9	-88,6
Домохозяйства	40,5			

Рассчитано по: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX в. — начало XX в.); Новые подсчеты и оценки. М., 2003 [1982, 1994]. С. 146, 147, 154, 238, 240; Johnson W. H. E. Op. cit. P. 291–293; Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 248; губернаторские годовые отчеты за 1913 г. по Вологодской, Воронежской, Екатеринославской, Курской, Пензенской, Пермской, Саратовской губерниям.

Дальний Восток

Сводная структура институциональных источников финансирования образования на Дальнем Востоке представлена на рис. 2, А. Сопоставление региональных показателей с общестрановыми за 1913 г. (табл. 3) выявляет наличие следующих отклонений. Доля средств центрального правительства оказалась выше, чем в целом по стране. Важную роль играло финансирование по линии военного ведомства. Кроме того, в административном центре Приморской области Владивостоке в 1899 г. был открыт Восточный институт (лингвистического профиля), в 1920 г. преобразованный в университет.²¹ За счет средств городов доля местных финансовых ресурсов превысила общестрановой уровень. Свидетельства о средствах предприятий и некоммерческих организаций получили лучшее отражение в губернаторских отчетах областей Дальнего Востока по сравнению с губерниями Европейской России, в то время как расходы домохозяйств значительно занижались в обоих макрорегионах.

Сопоставление сводной структуры институциональных источников финансирования здравоохранения в трех областях российского Дальнего Востока (рис. 2, Б) с общестрановыми показателями за 1913 г. (табл. 4) выявляет следующие отклонения. Доля средств центрального правительства на Дальнем Востоке почти в 5 раз превысила среднестрановой уровень. Значительную роль здесь играло финансирование со стороны военного ведомства, а также по линии тюремно-каторжной администрации Министерства юстиции. Но гражданская медицина также получала большее внимание со стороны центральных властей, чем в европейских губерниях, прежде всего в рамках стимулирования переселенческой активности и борьбы с регулярными эпидемиями. Доля местных финансовых ресурсов (включая земские сборы) практически сравнялась с общестрановым уровнем, главным образом за счет средств городов. В составе частных источников особенно выделялись средства на содержание больниц при предприятиях (золотых приисках и каменноугольных коях, железных дорогах).

Таким образом, институциональные структуры финансирования обеих отраслей фор-

мирования человеческого капитала на российском Дальнем Востоке демонстрируют во многом общие характеристики, отличающие их от Европейской России: повышенную долю средств центрального правительства (в сфере образования стала преобладающей), пониженную роль земских сборов, довольно весомую долю средств городов.

Сибирь

Сводная структура институциональных источников финансирования образования в Сибири представлена на рис. 3, А. Сопоставление региональных показателей с общероссийскими за 1913 г. (табл. 5) демонстрирует наличие отклонений (несколько меньших по величине), характерных для выборки из восьми губерний Европейской России и трех областей Дальнего Востока по основным позициям. Как и на Дальнем Востоке, доля средств центрального правительства в Сибири оказалась выше, чем в целом по стране. Пониженное значение земских сборов компенсировалось более высокой долей средств местного самоуправления низового уровня. Как и на Дальнем Востоке, в губернаторских отчетах сибирских губерний свидетельства о средствах предприятий и некоммерческих организаций получили лучшее отражение, чем в отчетах европейских губернаторов.

Сводная структура институциональных источников финансирования здравоохранения в регионах Сибири представлена на рис. 3, Б. Сопоставление региональных показателей с общероссийскими за 1913 г. (табл. 6) выявляет следующие отклонения от общестрановых уровней в сравнении с выборкой из семи губерний Европейской России и трех областей Дальнего Востока. Как и на Дальнем Востоке, в Сибири превышение доли средств центрального правительства над общестрановым уровнем является примерно пятикратным. Однако совокупная доля органов местного самоуправления (в том числе за счет земских сборов) заметно превышала средний уровень по стране и по земским губерниям Европейской России. Многократное различие доли частных источников (характерное для Европейской России, но не для Дальнего Востока), скорее всего, связано с очень неполным их отражением в отчетах по сибирским и европейским губерниям.

²¹ См.: История ДВФУ. URL: www.dvfu.ru/about/history (дата обращения: 12.05.2021).

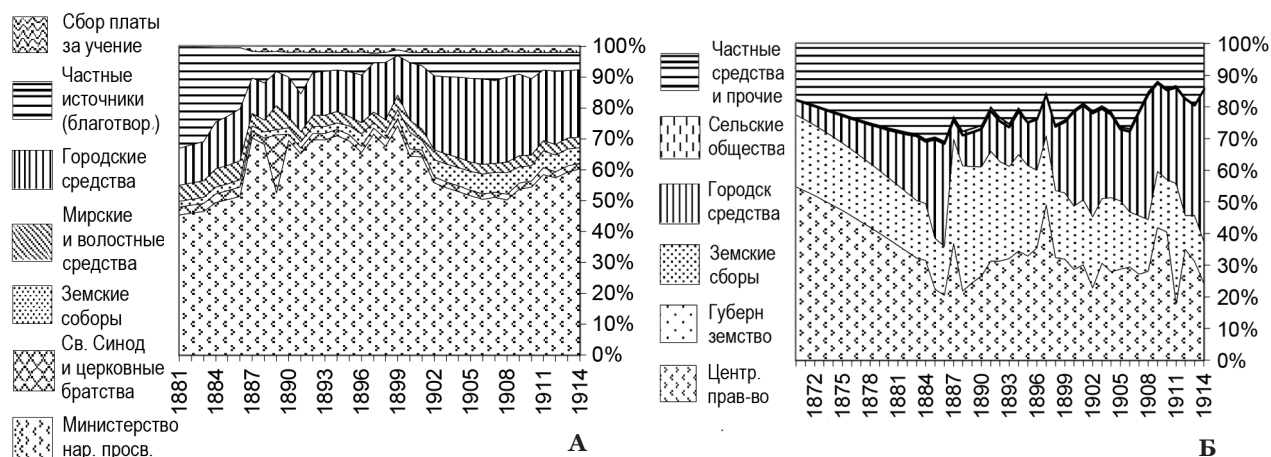

Рис. 2. Сводная структура институциональных источников финансирования образования (А) и здравоохранения (Б) на Дальнем Востоке (в % от объема расходов на отрасль за год)

Рассчитано по: губернаторские годовые отчеты по Приморской, Амурской, Забайкальской областям; Яснопольский Н. П. Указ. соч.; Кесслер Х., Маркевич А. Указ. соч.

Таблица 3

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ С ОБЩЕСТРАНОВОЙ

Структура финансирования	Российская империя (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Две области Дальнего Востока (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, п. п.	Отклонение региональных показателей от общестрановых, %
Центральное правительство (включая Св. Синод)	54,1	61,3	7,2	13,3
Земские сборы в распоряжении региональных органов центрального правительства	24,0	5,5	6,8	28,1
Средства других органов местного самоуправления (городские, волостные, мирские)		25,3		
Предприятия и некоммерческие организации	8,8	5,9	-2,8	-32,3
Домохозяйства	13,1	2,0	-11,1	-84,8

Рассчитано по: Johnson W. H. E. Op. cit. P. 291–293; Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 248; губернаторские годовые отчеты за 1913 г. по Приморской, Амурской областям.

Таблица 4

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ С ОБЩЕСТРАНОВОЙ

Структура финансирования	Российская империя (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Три области Дальнего Востока (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, п. п.	Отклонение региональных показателей от общестрановых, %
Центральное правительство	6,2	31,2	25,0	404,5
Земские сборы в распоряжении региональных органов центрального правительства	53,3	14,5	-3,7	-6,9
Средства других органов местного самоуправления (городские, волостные, мирские)		35,2		
Предприятия и некоммерческие организации	—	19,2	-21,3	-52,7
Домохозяйства	40,5			

Рассчитано по: Грегори П. Указ. соч. С. 146, 147, 154, 238, 240; Johnson W. H. E. Op. cit. P. 291–293; Диденко Д. В. Интеллектуалоемкая экономика... С. 248; губернаторские годовые отчеты за 1913 г. по Приморской, Амурской и Забайкальской областям.

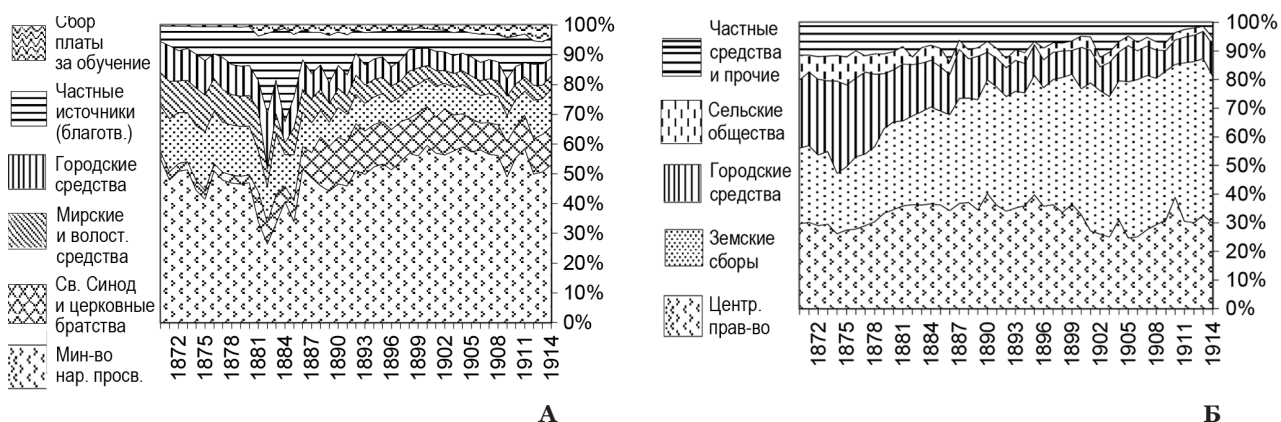

Рис. 3. Сводная структура институциональных источников финансирования образования (А) и здравоохранения (Б) в Сибири (в % от объема расходов на отрасль за год)

Расчитано по: губернаторские годовые отчеты по Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской губерниям; Яснопольский Н. П. Указ. соч.; Кесслер X., Маркевич А. Указ. соч.

Таблица 5

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В СИБИРИ С ОБЩЕСТРАНОВОЙ

Структура финансирования	Российская империя (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Четыре губернии Сибири (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, п. п.	Отклонение региональных показателей от общестрановых, %
Центральное правительство (включая Св. Синод)	54,1	63,2	9,1	16,8
Земские сборы в распоряжении региональных органов центрального правительства	24,0	12,0	-0,3	-1,1
Средства других органов местного самоуправления (городские, волостные, мирские)		11,8		
Предприятия и некоммерческие организации	8,8	7,4	-1,4	-15,9
Домохозяйства	13,1	5,7	-7,4	-56,7

Расчитано по: Johnson W. H. E. Op. cit. P. 291–293; Диденко Д. В. Интеллектуальноемкая экономика... С. 248; губернаторские годовые отчеты за 1913 г. по Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской губерниям.

Таблица 6

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В СИБИРИ НА ФОНЕ ОБЩЕСТРАНОВОЙ

Структура финансирования	Российская империя (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Четыре губернии Сибири (в % от объема расходов на отрасль за 1913 г.)	Отклонение региональных показателей от общестрановых, п. п.	Отклонение региональных показателей от общестрановых, %
Центральное правительство	6,2	32,6	26,4	427,1
Земские сборы в распоряжении региональных органов центрального правительства	53,3	54,8	12,7	23,8
Средства других органов местного самоуправления (городские, волостные, мирские)		11,2		
Предприятия и некоммерческие организации	—	1,4	-39,1	-96,6
Домохозяйства	40,5			

Расчитано по: Johnson W. H. E. Op. cit. P. 291–293; Диденко Д. В. Интеллектуальноемкая экономика... С. 248; губернаторские годовые отчеты за 1913 г. по Енисейской, Иркутской, Тобольской губерниям.

Таким образом, промежуточное положение Сибири (между Европейской Россией и Дальним Востоком) с точки зрения финансирования обеих отраслей формирования человеческого капитала проявляется прежде всего в уровне и динамике их наиболее значимых институциональных источников: центрального правительства и земских сборов.

В сфере финансирования образования роль центрального правительства была выше, чем в Европейской России, но ниже, чем на Дальнем Востоке. В свою очередь, средства за счет земских сборов, которые являлись основным источником в европейских земских губерниях, в Сибири имели гораздо меньшее значение, но занимали при этом более важное место по сравнению с Дальним Востоком.

В сфере финансирования здравоохранения регионы Сибири отличает очень высокая доля средств центрального правительства. В то же время роль финансирования из земских сборов была даже более значительной, чем в европейских губерниях.

В конце XIX — начале XX в. в ответ на вызовы геополитического соперничества с экономически развитыми странами Западной Европы и модернизированной Японией в России происходил запуск «современного» типа экономического роста, активизировались процессы формирования человеческого капитала и конкуренции соответствующих институтов. Они активно протекали в Европейской России, в ядре национальной экономической системы. Но на колонизируемой окраине Дальнего Востока они характеризовались более высокими нормами накопления и более активным участием центрального правительства. Таким образом, в наибольшей степени различались Европейская Россия и Дальний Восток, в то время как Сибирь занимала промежуточное положение между ними.

Построенная нами институциональная структура источников финансирования образования и здравоохранения позволяет установить региональные особенности этих процессов. Документированные различия подводят к характеристике трех макрорегиональных моделей.

В сфере образования можно выделить следующие общие черты. В рассмотренных макро-

регионах основными источниками его финансирования выступали средства центрального правительства, регионального и местного самоуправления, которые сочетались по-разному. К 1914 г. центральное правительство несло наибольшую долю расходов во всех макрорегионах. В Европейской России, где в большинстве губерний в 1864 г. были созданы земства, их средства вплоть до начала XX в. играли ведущую роль. В Сибири и на Дальнем Востоке, где их функции выполняли представители центрального правительства, этот источник использовался, как правило, меньше.

В сфере здравоохранения общей чертой является преобладание средств региональных и местных органов управления (в Европейской России — доминирование). Но в условиях фронтальной модернизации и в Сибири, и на Дальнем Востоке роль центрального правительства была существенно выше.

Установленные характеристики моделей накопления человеческого капитала подкрепляют концепцию А. Гершенкрона о повышенной роли государства в социально-экономическом развитии «отставших» стран. Наше исследование дополняет ее, уточняя, что центральное правительство уделяло повышенное внимание финансированию обеих отраслей в случаях, когда их развитие сочеталось с выполнением задач колонизационного освоения новых территорий в условиях фронтальной модернизации. Причем повышенная роль центрального правительства сочеталась с общественной инициативой, которая в Сибири и на Дальнем Востоке выражалась в большей степени через городские (в меньшей — сельские) органы местного самоуправления.

Таким образом, финансовые потоки со стороны центрального правительства и городского местного самоуправления выступали ключевыми факторами, определявшими специфику макрорегиональных моделей. В условиях фронтального характера модернизационных процессов в поздней Российской империи в сфере накопления человеческого капитала действенными оказались не столько инновационные институты местного самоуправления и предпринимательства, сколько традиционные институты центрального правительства.

Dmitry V. Didenko

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Historical Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)

E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

HUMAN CAPITAL FORMATION IN THE PROCESSES OF FRONTIER MODERNIZATIONS IN THE LATE RUSSIAN EMPIRE

The article compares institutional structure of education and health care financing in three main macro regions of the late Russian Empire with country-wide levels. It basically utilizes governor's annual reports, the kind of source that provides a relevant quantitative evidence. In theoretical aspects the research combines the modernization paradigm (primarily the S. Kuznets concept of 'modern' economic growth and A. Gerschenkron's views on the specifics of modernizations in 'backward' countries) with the institutional approach to economic history by D. North and employs the concept of frontier by F. J. Turner. The documented variations in institutional structure of financing both industries reveal the macroregional patterns. The greatest differences are identified between European Russia and the Far East, while Siberia could be specified as an intermediate position. The key driving factors are the activities of the central government and various levels of local government. In the Far East, where 'frontier' nature of the modernization processes was most pronounced, the formation of human capital was effected with a higher rate of accumulation, with increased involvement of the central government. It was carried out in parallel with solution of other important tasks of colonization, namely ensuring military security, creating transport infrastructure, industrial development of minerals. This sheds light on the specifics of Russia's modernization with an elevated role of government. Thus, under the frontier modernization, it was not so much innovative but traditional institutions appeared to be active in human capital formation.

Keywords: *socio-economic development, institutions, annual governors' reports, education, health care, spatial inequality*

REFERENCES

- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *The American Economic Review*, 2001, vol. 91, no. 5, pp. 1369–1401. (in English).
- Didenko D. V. *Intellectualoyemkaya ekonomika: Chelovecheskiy kapital v rossiyskom i mirovom sotsial'no-ekonomicheskom razviti* [Knowledge-Intensive Economy: Human Capital in Russian and Global Socio-Economic Development]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2015. (in Russ.).
- Didenko D. V. [Dynamics and Institutional Sources of Human Capital Accumulation in Russia's Regions (19th – Early 20th Centuries)]. *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik* [Economic History: A Yearbook], 2021, vol. 2020, pp. 107–149. (in Russ.).
- Gerschenkron A. *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive* [Economic Backwardness in Historical Perspective]. Moscow: Delo Publ., 2015. (in Russ.).
- Gregory P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX v. — nachalo XX v.): Novyye podschety i otsenki* [Economic Growth of Russian Empire (End of 19 — Beginning of 20 Century): New Estimates and Calculations]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. (in Russ.).
- Johnson W. H. E. *Russia's Educational Heritage*. Pittsburg (Pennsylvania): Carnegie Press, 1950. (in English).
- Kiskidosova T. A. [Governor's Annual Reports as a Source for the Research of the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s–1880s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 412, pp. 50–53. DOI: 10.17223/15617793/412/8 (in Russ.).
- Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press, 1966. (in English).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu. V 3 t.* [Russian Empire: From Tradition to Modernity. In 3 vols.]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2014, vol. 1. (in Russ.).
- North D. *Instituty, institutsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki* [Institutions, Institutional Changes and Economic Performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala" Publ., 1997. (in Russ.).
- North D. *Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2010. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier Modernization in the East of the Russian Empire: Regional Variations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).
- Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. (in Russ.).
- Zubkov K. I. [Frontier as a Research Paradigm]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 63–71. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-63-71 (in Russ.).

Для цитирования: Диденко Д. В. Формирование человеческого капитала в условиях фронтальных модернизаций в поздней Российской империи // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 99–107. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-99-107.

For citation: Didenko D. V. Human Capital Formation in the Processes of Frontier Modernizations in the Late Russian Empire // Ural Historical Journal, 2024, no. 1(82), pp. 99–107. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-99-107.